

детерминирует необходимость для специалиста не только понимать причины такого негативного психоэмоционального статуса и уметь его трансформировать в позитивный, но и постоянно реализовать гуманистический подход в общении и взаимодействии с клиентом, основанный на уважении его личности. Это требует направленного формирования личности специалиста. Профессиональные навыки в которых, как и профессионально значимые личностные характеристики, могут быть успешно использованы в обыденной жизнедеятельности. Личностные качества, сформированные в процессе профессиональной подготовки и практической деятельности, специалист будет использовать в обыденной жизнедеятельности. Поэтому организация воспитательного процесса является важнейшей формой деятельности образовательного учреждения, направленной на формирование личности будущего специалиста по социальной работе.

Таким образом, качества личности специалиста по социальной работе во многом определяют успешность его взаимодействия с клиентом и являются необходимым условием его профессиональной пригодности. Формирование профессионально значимых этических качеств личности происходит путем усвоения духовных ценностей общества и профессии, превращения их в процессе деятельности, в убеждения и потребности. Качества личности специалиста по социальной работе, транслируемые им на клиента, его окружение и на все общество, способствуют повышению уровня общественной нравственности и тем самым — решению ряда социальных проблем.

Личность специалиста по социальной работе целостна. Те качества, которых требует от специалиста профессиональная деятельность, не исчезают за пределами учреждения социальной защиты, они присутствуют в его поведении и действиях постоянно, в любых ситуациях и отношениях, формируя в общественном мнении облик социального работника как высоконравственной социально позитивной личности, гражданина. Понятно, что указанные качества в своей совокупности характеризуют личность скорее идеальную, чем реальную. Однако в данном случае идеальный образ личности специалиста по социальной работе необходим, поскольку указывает специалисту направление самосовершенствования и убеждает в том, что посредством работы над собой можно если не достичь совершенства, то приблизиться к нему и избавиться от основных недостатков, мешающих профессиональной деятельности.

ЯЗЫК И РЕЧЬ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАКТИКИ И ПОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Мядель А.П.
Витебск, УО «ВГТУ»*

В современной философской литературе взаимосвязь практики и познания является общепризнанной. Однако механизм этого взаимодействия чаще всего сводится к применению общей схемы, характеризующей диалектику противоположностей: познание становится практикой, практика – познанием. Подобный схематизм не может быть признан удовлетворительным, поскольку приводит к значительному отождествлению этих сфер человеческой деятельности.

Есть все основания полагать, что для определения механизма взаимодействия практики и познания как внешних и внутренних феноменов человеческой деятельности важно выделить в ней такое образование, которое имело бы смешанный характер, объединяло бы в себе как внешние, материальные стороны деятельности, так и внутренние, духовные. Этим требованиям в полной мере соответствует система «язык – речь». Если язык как идеальное явление формирует мысль и на практику непосредственно не

оказывает воздействие, то речь, будучи явлением, в основном, материальным, уже непосредственно влияет на материальную деятельность. И именно это и есть одна из функций речи как языка в своем действии во внешней материальной среде, поскольку речь непосредственно связана с делом, тогда как язык – с мыслью.

В практике речь ориентирует людей в совместной деятельности, организует ее. Таким образом, речь в качестве внешней реальности языка и мышления обеспечивает соответствие практической деятельности ее внутреннему целеполагающему фактору. Но речь обеспечивает не только направленность активности субъекта деятельности вовне – от познания к практике, ею обеспечивается также и противоположный процесс – соответствующее движение от практики к познанию. Действительно, не практика как таковая непосредственно вторгается в сферу познания, а ее интерпретация, что достигается в первую очередь через систему «язык – речь». Следовательно, их коммуникативная функция должна быть распространена и на связь между внутренними и внешними сторонами человеческой деятельности.

Все формы практической деятельности осуществляются посредством общественной активности, что предполагает постоянный обмен информацией между субъектами деятельности, включающей ее кодирование, отправление получателю, получение и соответствующее декодирование. Именно эти операции и осуществляют связь между внутренними и внешними формами человеческой деятельности.

Важно учитывать то обстоятельство, что феномен речи осуществляет свою коммуникативную функцию между субъектами деятельности таким образом, чтобы в конечном счете обеспечить не просто обмен материальными языковыми знаками как таковыми, а обмен идеями посредством этих знаков. Отсюда следует, что целью и результатом непосредственного общения, которое хотя и осуществляется на внешнем, материальном уровне, является тем не менее духовная, внутренняя коммуникация.

Связь языка с практикой опосредована речью, функции которой по отношению к практике в известном смысле аналогичны соответствующим функциям языка по отношению к внутреннему механизму познания. Речь с помощью языковых знаков непосредственно проникает в сферу практической деятельности субъекта. Феномен речи сопровождает всякую человеческую деятельность, но как материальное явление пронизывает практическую деятельность. Организуя и стимулируя практику, речь вместе с тем никогда не сливается с нею, поскольку остается специфическим феноменом общения, его внешней, материальной основой. Различные организованные совокупности языковых знаков представляют собой особую сферу материальной, но субъективной реальности, изменения в которой не ставят своей целью непосредственное развитие внеязыковой реальности в объективной действительности.

Различные виды практической деятельности непосредственно связаны с различными совокупностями языковых знаков, взятыми из определенной знаковой системы. Так, например, материальное производство и общественно-политическая практика осуществляются при помощи разных совокупностей языковых знаков, а в научной практике преобладают формализованные языки науки. Во всех этих случаях субъект практической деятельности является и одновременно интерпретатором языковых знаков, что дает ему возможность непосредственно соприкоснуться с внутренним миром идеальных познавательных феноменов. Однако отличие практика от теоретика всегда сохраняется и состоит именно в том, что практик как субъект материальной деятельности не производит духовные ценности, а только ими пользуется, тогда как теоретик, будучи субъектом духовной деятельности, наоборот, пользуясь материальными и духовными ценностями, производит только последние. В языковой сфере эти два мира – внутренний, духовный и внешний материальный – переводятся на единый знаковый уровень, то есть достигают единства в пределах той или иной знаковой системы. Здесь

осуществляется их кодирование и раскодирование, что позволяет преодолеть ту существенную несоизмеримость, которая вне языка имеет место между материальными и духовными явлениями. Ведь внутренний духовный мир познания всегда остается сугубо внутренним феноменом в деятельности субъекта. Поэтому взаимообусловленность практики и познания в их взаимодействии выступает как нечто очевидное и доступное здравому смыслу. Взаимодействие это постоянно и неизменно осуществляется при помощи соответствующих совокупностей языковых знаков, самого языка и речи, подобно тому, как говорящим на разных языках нужен специальный переводчик для достижения взаимопонимания и общения. Следовательно, источник взаимосогласованности материальных и духовных феноменов деятельности необходимо искать в системе «язык – речь».

Языковая коммуникация осуществляется в двух формах – внутренней и внешней. Взаимосвязь познания и практики в субъекте деятельности обеспечивается внутренней формой коммуникации. Чрезвычайно интересными в этой связи представляются некоторые замечания Гегеля. В предисловии ко второму изданию «Науки логики» он пишет: «Формы мысли выявляются и отлагаются прежде всего в человеческом языке. В наше время мы должны неустанно напоминать, что человек отличается от животного именно тем, что он мыслит. Во все, что для человека становится чем-то внутренним, вообще представлением, во все, что он делает своим, проник язык, а все то, что он превращает в язык и выражает в языке, содержит, в скрытом ли, спутанном или более разработанном виде, некоторую категорию; в такой мере естественно для него логическое, или, правильнее сказать, последнее есть сама присущая ему природа». [1, с.82] Здесь Гегель признает, что именно язык связывает внутренний и внешний мир человека, и считает, что поэтому он имеет такое существенное значение в человеческой деятельности.

В современном идеализме значение языка нередко абсолютизируется. В первую очередь это относится к таким течениям, как неопозитивизм, философская герменевтика, экзистенциализм и структурализм. В этих системах мы сталкиваемся с утверждением, что всю практическую деятельность субъекта якобы определяет употребляемый им язык. В нашей философской литературе дана в основном справедливая критика подобных явных абсолютизаций роли языка философами-идеалистами. Тем не менее эти критические исследования редко сопровождаются положительным и конструктивным анализом проблемы, и, в сущности, вопрос о взаимоотношениях практики и языка в нашей литературе остался в целом нерассмотренным, в то время как проблема соотношения познания и языка в последние годы получила весьма основательное конструктивное развитие.

Языковые знаки репрезентируют познаваемые объекты как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях познания. Эти знаки через свои идеальные значения связаны с сознанием субъекта, вместе с тем как материальные феномены, употребляемые в знаковых ситуациях, знаки непосредственно входят в практическую деятельность. Практика не может быть подменена знаковой деятельностью, но субъект практики постоянно оказывается связанным в своих действиях с объектами материальной действительности таким образом, что определенная часть этих объектов в строгой зависимости от каждой конкретной ситуации включается в сферу деятельности только через придаваемый этим объектам знаковый характер.

Таким образом, практическое преобразование природы, ее очеловечивание, с необходимостью связано с процессом знакообразования, как языкового, так и внеязыкового характера. И хотя знаки и обозначаемые ими феномены – это разные вещи как в практической, так и в познавательной деятельности, отношения субъекта деятельности и в том и в другом случаях постоянно подменяются отношениями к знакам. В сущности, эта подмена становится одним из условий успешной практической деятельности.

Социальная практика буквально насыщена разнообразным знаковым материалом, и деятельность субъекта здесь постоянно связана с манипулированием теми или другими объектами исключительно как знаками. В целом мир знаков существует как особый, созданный субъектом срез материальной действительности, главное место в котором занимают языковые знаки. Как нечто материальное, внешнее по отношению к сознанию субъекта деятельности, он тем не менее непосредственно связан со своим идеальным значением, имеющимся уже в сознании субъекта, образуя здесь особый мир значений. Знаки вообще и языковые в частности следует рассматривать как тонкий инструмент, используемый субъектом практической деятельности в процессе преобразования объективной действительности. Но языковая деятельность не является видом практической деятельности, а составляет ее специфическое условие.

Знаковая активность субъекта придает практике часто весьма условный характер, и она в этих случаях уже не может быть сведена к буквальному преобразованию реальности. Ее преобразование, особенно в сфере социально-политической деятельности, принимает чисто знаковые формы, связанные с изменением не вещей, а знаков, их репрезентирующих. Именно этой знаковой деятельности придается исключительно практическое значение и она возводится в ранг исторических фактов, которые хранятся в социальной памяти общества. Следовательно, в жизни общества подобного рода деятельность воплощает в себе нечто практически значимое, что дает основание полагать наличие существенные роли знаковых отношений между субъектами, которые заменяют собой разнообразные формы совместной практической деятельности.

Знаковые отношения могут и должны рассматриваться как определенные носители значения репрезентированных в них таких феноменов, как власть, имущество и другие политические и экономические образования. Для этого создаются специальные знаки, например денежные, и все члены общества, как правило, с этим считаются. Подобная знаковая наполненность практической деятельности тем не менее не может поставить под сомнение ее объективное содержание. Но эта объективность не может рассматриваться как некоторое следствие объективности самих знаков как таковых, а выступает как следствие объективности репрезентируемых этими знаками феноменов. Отсюда во многом следует субъективная сторона практической деятельности. Наряду с целенаправленностью знаковая насыщенность накладывает существенный субъективный характер на практику. Объективное здесь в прямом смысле переплетено с субъективным. В силу этого любое употребление знаков в практической деятельности следует рассматривать как аспект проявления творческой активности в материально-объективной сфере. Языковые знаки здесь не являются исключением. Например, речь, которой пользуются субъекты, вовлеченные в определенный производственный процесс будет выделяться именно тем характером производственного процесса, который отличает его от множества других процессов подобной деятельности. Общение как сторона любой формы активности, но не вид деятельности заполняется тем материалом, которым характеризуется тот или иной вид практики.

Вместе с тем речевая активность субъекта деятельности не растворяется в практике и не сливается с нею. В производственном процессе она имеет статус, существенно отличный от ее статуса в социально-политической деятельности. Общеизвестно значение в последней таких феноменов, как выступления политических лидеров. Здесь активность как знаковый аспект материальных отношений во многом имеет самодавяющий характер, поскольку результаты практической деятельности в политике настолько переплетены с языковым материалом, что слова и дела означают одно и то же. Одновременно с этим речевая активность непосредственно связана с языком и познанием, и поэтому через нее именно внешние и внутренние феномены деятельности оказываются вовлеченными в механизм взаимодействия практики и познания, субъектом которых является человечество в целом.

Самые разные языковые знаки – звуковые, графические, мимические, будучи материальными элементами речи, всегда сопровождаются соответствующей интерпретацией со стороны субъекта практики, что с необходимостью оказывает значительное влияние как на саму эту практическую деятельность, так и на постоянно меняющееся содержание интерпретации. Таким образом, в практической деятельности, оказывающей существенное влияние на язык, последний как бы очищается от всего несовместимого с общественной жизнью.

Практическая деятельность должна быть тонкой и компетентной, оставаясь при этом материальной как существующей вне сознания. Без учета этой важной стороны практики невозможно в полной мере обосновать ее гносеологические функции. Отсюда возникает и неудовлетворенность ряда исследователей трактовкой практики как исключительно материальной деятельности, поскольку под ней они понимают, как правило, деятельность, во всем противоположную духовному разнообразию субъекта. Однако подобное понимание материальной деятельности совершенно несостоятельно в силу того, что не учитывает субъективную творческую сторону активности субъекта. При учете знаковой составляющей практической деятельности в значительной степени отпадает необходимость трактовки практики как феномена отчасти идеального. Необходимость эта выступает как прямое следствие упрощенного толкования материальной деятельности. Человеческая деятельность – феномен, который не всегда включает в себя идеальное содержание, но непременно связан с ним. Связь духовного содержания с материальным в практике человека осуществляется через язык и речь как внутренние и внешние феномены. Таким образом, знаковая активность вообще и языковая в частности трансформирует активность человека в практическую деятельность.

Список литературы

1. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Наука, 1970. - Т. 1.

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Назарова Н.В.

Витебск, УО «Государственный детский сад № 21»

Проблема определения сути, природы творчества далека от разрешения, у исследователей до настоящего времени нет полного единства в отношении данного феномена. Большая их часть признает, что: творческий акт есть самораскрытие потенциальных возможностей индивида; что творчество присуще всем здоровым людям; что новизна и оригинальность творческих продуктов может носить как объективный, так и субъективный характер; что результатом творческой деятельности могут быть изменения в самом деятеле; что творческий процесс является специфическим для разных областей знаний, но и обладает общими характеристиками; что творчество связано с эмоциональным и интеллектуальным напряжением, особой мотивацией человека; что творческая деятельность – это самое яркое проявление чисто человеческой сути [1, 2, 3]. Характеризуя творческие способности индивида, В.Г. Шапарь исходит из раскрытия сути понятия «способность». Он определяет его как индивидуально-психологическую особенность человека, выражающуюся в его готовности к овладению определенными видами деятельности и их успешном выполнении. Под ней понимает высокий уровень интеграции и генерации психических процессов, свойств, отношений, действий и их систем, отвечающих требованиям деятельности [4, с. 569].